

Роль пространства в обучении

Материалы открытого семинара
из цикла «Как учить юристов»
факультета права НИУ ВШЭ
26 июня 2023

ЦТЮО

Центр трансформации юридического образования
факультета права НИУ ВШЭ

Роль пространства в обучении

Расшифровка материалов открытого семинара из цикла
«Как учить юристов» (факультет права НИУ ВШЭ, 26 июля 2023)

Участники:

Наталья Логутова, заместитель руководителя
Школы дизайна НИУ ВШЭ

Екатерина Симакова, главный архитектор, руководи-
тель направления в Департаменте строительства
и эксплуатации кампуса Сколтеха

Роман Янковский, Заведующий Центром трансформации
юридического образования факультета права ВШЭ

Текст: © участники, 2023.

В работе использованы фотографии образовательных пространств. Фото без подписей сделаны авторами или используются с разрешения правообладателей; остальные взяты с сайтов образовательных организаций и добросовестно процитированы в учебных целях.

Файл распространяется по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial-NoDerivatives» («Атрибуция — Некоммерческое использование — Без производных произведений») 4.0 Всемирная. Вы можете распространять это произведение при условии, что будете делать это бесплатно и не будете вносить изменения в текст. Если вы хотите использовать расшифровку иным способом, свяжитесь с нами.

Содержание

Введение.....	5
Наталья Логутова. Как выглядят современные университеты?.....	6
Екатерина Симакова. Принципы организации пространств Сколтеха.....	24
Роман Янковский. Роль пространства в обучении юристов	40
Ответы на вопросы.....	57

О нас

Это материал открытого семинара, который провел Центр трансформации юридического образования факультета права НИУ ВШЭ. Мы занимаемся производством новых курсов и образовательных программ, собираем и распространяем лучшие практики и развиваем преподавание права в России.

Наши приоритетные направления:

- Преподавание технологий юристам, программы legal + tech;
- Развитие письменной речи юристов;
- Развитие правовой грамотности у не-юристов.

Мы сотрудничаем с преподавателями, программами и целыми вузами. Собираем материалы, делимся своими наработками, организовываем встречи, проводим воркшопы и курсы для преподавателей. Следить за нашей работой проще всего в [телеграм-канале](#) или [на сайте](#).

Хотите работать с нами? Напишите на transform@hse.ru.

Введение

Роман Янковский

Сегодня мы взяли очень интересную тему – как на обучение юристов влияет пространство, то есть наша среда, в которой мы учимся, наши корпуса и аудитории. Как выглядит современная аудитория для обучения юристов? Что на юридических факультетах в Москве и в России нужно сделать, чтобы среда стала более эффективной, как среда проектируется, кто вообще этим занимается?

Сегодня мы позвали редких профессионалов — специалистов по организации образовательных пространств. Всегда сложно найти людей, которые работали с российскими образовательными учреждениями, знают специфику, все эти стандарты и гости. А для сегодняшнего мероприятия мы нашли сразу двух таких людей:

Наталья Логутова – заместитель руководителя школы дизайна НИУ ВШЭ;

Екатерина Симакова – главный архитектор, руководитель направления в Департаменте строительства и эксплуатации кампуса Сколтеха.

Я тоже выступлю с небольшим докладом — поскольку я преподавал право во многих вузах, то побывал в разных пространствах. Я поделюсь фотографиями и своими наблюдениями о том, как устроена среда в российских юридических вузах.

Как выглядят современные университеты?

Наталья Логутова,
школа дизайна НИУ ВШЭ

Последние семь лет Лаборатория дизайна — проектное бюро в составе Школы дизайна — совместно с институтом образования Высшей школы экономики работает над проектами, связанными с дизайном образовательной среды. Мы стали заметны, в том числе и в структуре Высшей школы экономики, и многие проекты преобразований внутри ВШЭ проходят при нашем непосредственном участии. К сожалению, должность, которая обозначена у Екатерины — главный архитектор — пока недостижима в Высшей школе экономики, хотя мне кажется, у нас тоже должен быть главный архитектор, как, впрочем, и главный арт-директор. Но пока *de facto* по многим проектам такую функцию выполняет наша Лаборатория дизайна.

Презентация, которую я сейчас покажу — это гибрид. С одной стороны, хочется рассказать о том, что такое образовательная среда с точки зрения содержания. С другой стороны, хочется показать красивые картинки. Поэтому собрали вместе материалы исследований и многочисленные картинки — получился собирательный образ современного университета. Сколтех там, кстати, тоже есть.

Erasmus University Rotterdam. Холл-форум

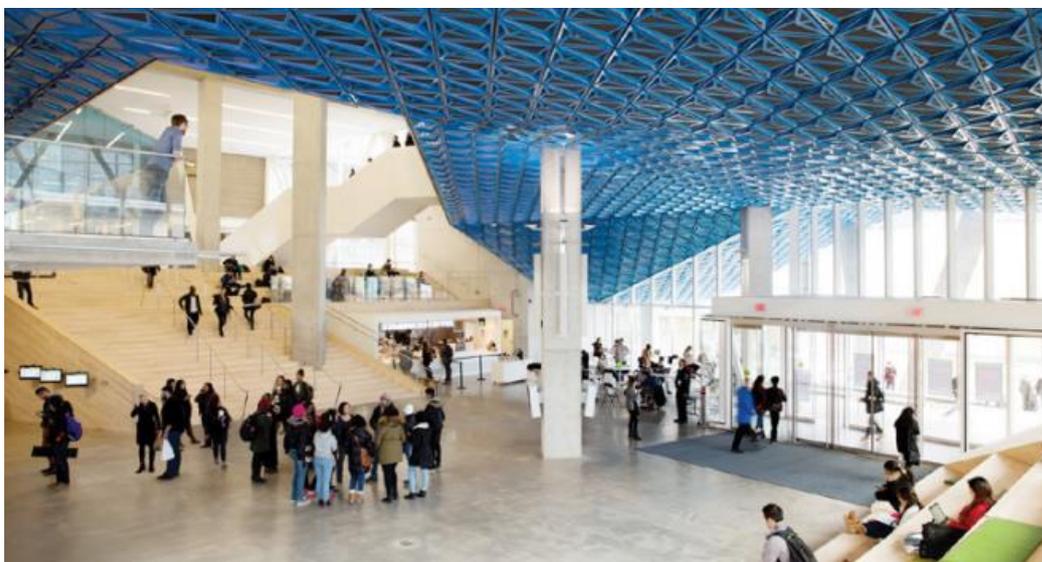
Почему я начинаю с изображения атриума и внутреннего двора? Не в последнюю очередь образ университета, который мы видим в кино — образы английских, американских университетов — это газоны, это перемещение, это коммуникация. Образ Хогвартса, Оксфорда, Беркли создают не аудитории, а общественные пространства.

Как театр начинается с вешалки, российский университет зачастую начинается с бюро пропусков. При том, что образование открывается, образование интегрируется, образование становится важной частью современной экономики — на страже этой открытости стоит будка с охранником, который пропускает в университет только тех, кто получил пропуск или специальное приглашение.

Существенна ли эта часть образа образовательной среды и университета? Мне кажется, очень. Мы открываем филиалы школы дизайна в Ереване, и наш PR-директор очень долго пытался выяснить у принимающей стороны, что нужно сделать, чтобы людей пустили на День открытых дверей. Они не очень понимали наш вопрос. У нас, как вы знаете, чтобы пустили гостей на день открытых дверей, нужно составить кучу списков и т. д. А там можно просто зайти.

Ryerson University Student Learning Centre, Канада. Холл-форум

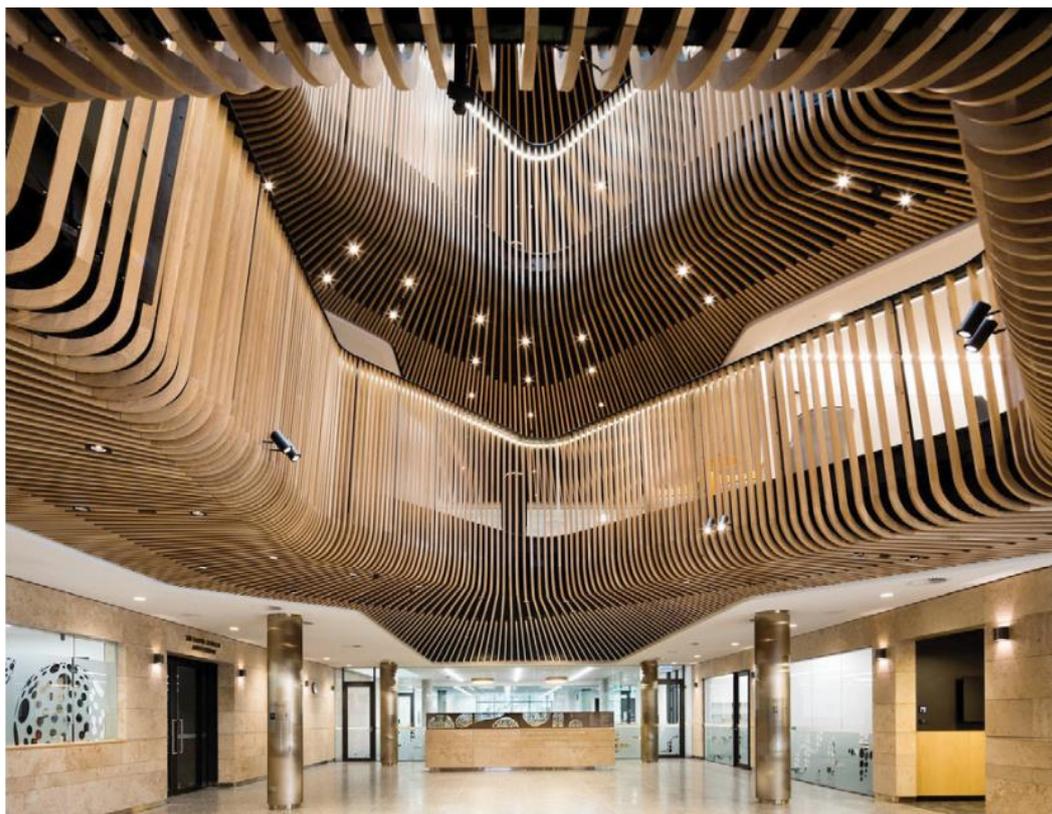

Ryerson University Student Learning Centre, Канада. Коворкинг

Мы начинаем видеть в этом диссонанс. И не только мы: многочисленные исследования в течение XX века, которые проводили социологи, педагоги, психологи, культурологи — все говорят, что образовательная среда — это важная, даже неотъемлемая часть образовательной инфраструктуры. И если в российской практике зачастую умеют считать количественно — сколько нужно столов в аудитории на такое-то количество душ, сколько розеток и т. п. — то вещи, связанные со смыслом и образом пространства, уходят на периферию.

При этом есть исследования, которые показывают: определенные параметры образовательной среды на 16—20% коррелируют с образовательными результатами. И это не только физические параметры, которые относятся к базовому комфорту. Конечно, вам гораздо легче, если вам не душно, вы хорошо слышите и вас хорошо слышно, у вас нормальный свет (не мигают лампы и нормальный уровень освещенности) и т.д. Здесь

не надо быть специалистом. Однако есть и вещи, заметные специалисту: мобильность планировок, характеристики мебели. Потому что мы можем сколько угодно говорить, что должно меняться в образовательном процессе (например, сценарий проведения занятий), но если у нас парты жестко прикручены к полу, то ни о каком моментальном изменении образовательной среды не может идти и речи. Партиципация, то есть участие пользователей в проектировании образовательных пространств, влияет на образовательную среду — на финском материале много информации об этом.

Sir Zelman Cowen Centre for Science, Scotch College, Австралия. Холл

Мы ездили по разным образовательным пространствам — и, например, в той же Голландии сами ученики проводили экскурсию по образовательному пространству. Видно, насколько легко они с ним взаимодействуют, насколько они им управляют, как могут ответить на вопросы, связанные с содержанием образовательного процесса. Ученики понимают, что происходит внутри этого здания, где, в каком пространстве мы находимся, для чего оно используется, для чего еще его можно использовать.

Существуют и такого рода нативные исследования — когда мы сами можем прийти и фактически считать семиотику, считать образ этого пространства. Образовательное пространство, кстати, в любом случае воспринимается как цельный образ.

University of Southern Denmark. Коворкинг

Достаточно вспомнить Лотмана и его сочинение о том, что определяют границы пространства. Пространство университета — это гетеротопия, в которой действуют определенные условия, где люди понимают правила совместного времяпрепровождения. И в этом смысле, конечно, этот образ и его значение совершенно неотделимы от всего образовательного процесса. Тем более, что роль университета в формировании среды, в налаживании связей и формировании сообщества сложно было переоценить — даже до того, как мы пришли к навыкам XXI века.

Конечно, изменения старых зданий университетов, изменения вида их аудиторий связано с изменением преподавания. На заре университеты и, по большому счету, школы транслировали знания. Первый теоретик-педагог Ян Амос Коменский писал, что учитель — это солнце, его должно быть хорошо видно и слышно; на стенах должно располагаться то, что поможет запомнить материал, который учитель транслирует; а ученики должны быть преимущественно хорошо зафиксированы, чтобы смотрели в одном направлении, не отвлекались и запоминали то, что им транслируют.

Сейчас такого рода образовательный процесс, конечно же, нельзя представить. Меняется функция: взаимное обучение, групповое обучение, создание сообщества. Студенты работают параллельно с учебой, что обеспечивает дальнейшее безбарьерное трудоустройство; и опыт удаленной работы, и опыт того, что образование будет продолжаться всегда — все это, конечно, предполагает определенные ожидания от тех, кто приходит в университет. Новый тип пространств нужен новым типам пользователей.

Сколковский институт науки и технологий, Россия

Образование, которое обеспечивает безбарьерное трудоустройство, должно быть максимально привязано к требованиям рынка. Современные работодатели хотят войти в университет, и университет хочет, чтобы они в него вошли и сформировали программы. Фактически они таким образом обеспечивают себе будущих сотрудников. Из индустрии приходят преподаватели-практики, которые фактически трансформируют образовательную программу — и базовыми кафедрами, и просто своим присутствием в университете. Конечно, они не могут работать в тех пространствах, в которых мы готовы их ждать. И если мы ориентируемся на высокие показатели, значит, должны этих преподавателей к себе впустить, переработать пространства. Открыться и городу, и рынку.

Про степень открытости с пропускной системой я уже говорила; тем не менее, когда мы смотрим на современные университеты (особенно новые здания), там эта открытость не декларативная, она подтверждается открытой средой. Обилием того, как университет буквально открыт городу, как он впускает улицы в себя и сам выплескивается на улицу. И как он открыт внутри, когда мы буквально понимаем, что где творится. Это не аудитория старого типа, в которую нужно вначале постучаться, потом заглянуть и только потом поймешь, что там происходит. Новая аудитория полностью открыта, видна, а зачастую, может быть, вообще ничем не огорожена — фактически это абсолютно открытое пространство, в котором происходит учебный процесс.

Arizona State University, США. Аудитория

В коворкингах тоже может проходить образовательный процесс, особенно если у нас индивидуальные планы обучения, если можно совмещать дистанционное, синхронное и другие типы обучения.

Как привлечь качественных преподавателей и студентов?

Лучшие практики, реализовавшиеся в своей сфере, скорее всего сидят в качественном офисе и получают хорошую зарплату. Мы должны пригласить их в среду, где они будут чувствовать себя так же естественно и свободно. Может быть, их можно заманить, посулив им академизацию, так сказать, на определенном этапе их жизненного пути. Но они в любом случае не станут долго сидеть на неудобных стульях и в обшитых старыми панелями зданиях, тем более, когда появляются университеты, в которых среда уже совершенно другая. Идет конкуренция за лучшие кадры, она ставит вызовы перед университетом и его средой.

Erasmus University Rotterdam, Нидерланды

Конечно, идет не только конкуренция за лучшие кадры, за преподавателей, но и конкуренция за лучших абитуриентов. Про бакалавриат еще можно говорить в духе, что «важность диплома перевешивает дизайн среды». Но если мы говорим о студентах магистратуры, о студентах программ дополнительного образования, у которых уже опыт взаимодействия с другого типа пространствами — конечно, они предъявляют совершенно другие требования к пространствам, в которых учатся.

Ryerson University Student Learning Centre, Канада

Сколковский институт науки и технологий, Россия

Студенты предъявляют определенные требования и к тому, как выглядит это пространство, к его образу, и к тому, насколько оно удобно, и к тому, насколько оно соответствует современным требованиям к хорошей среде, насколько в нем комфортно находиться. Я не говорю про столовые, санузлы и прочие помещения, которые должны соответствовать базовым требованиям, но, к сожалению, порой остаются за рамками внимания тех, кто отвечает за образ университета.

Фактически любые пользователи современного университета обладают высоким уровнем насмотренности и хорошо понимают, что такое хорошая архитектура, что такое удобная среда, что такое грамотный интерфейс, что такое удобная навигация. Причем если еще 10 лет назад все это относилось в основном к объектам коммерческого использования, к зарубежным объектам и так далее; но за последние 10—15 лет выросли современные сервисные информационные центры, изменилось взаимодействие с транспортом, и много где еще эти интерфейсные моменты взаимодействия человека и среды были решены на высоком уровне. И теперь этому человеку непонятно, почему университет — think tank — не может, если он такой «умный», обеспечить себе соответствующую среду.

Также узнаваемость образовательного пространства — это часть бренда. В университетах проводится много публичных мероприятий, и степень их отчуждаемости от университета весьма велика, если образовательная среда не содержит, так сказать, никаких атрибутов собственного бренда. В этом смысле университет очень много дает городу и притом столько же может получить.

KU Leuven (Catholic University of Louvain), Бельгия. Холлы

При этом, кстати, лояльность к университету в принципе зашкаливает. Если любой другой бренд потребителю еще нужно навязать, научить его любить, то степень готовности ассоциировать себя с альма-матер

практически беспрецедентна. Более того, зачастую на этом зарабатывает масс-маркет. В каком-нибудь Н&М масса мерча ведущих вузов, которые, вероятно, продают бренду права на использование товарного знака. Но они, я вас уверяю, и сами прекрасно умеют наживаться на своем бренде. А у нас продажа университетского мерча — это удел групп Вконтакте, которые привязаны к отдельным типографиям, и которые нелегально организывают печать футболок к выпуску такого-то года. Университеты часто здесь недорабатывают, хотя, по-хорошему, это лучшая реклама — фактически у нас добровольный человек-бутерброд, несущий на себе этот рекламный носитель, с гордостью готовый про него рассказывать. Фактически мы получаем добровольных амбассадоров бренда.

Aalto University, Финляндия. Холл-коворкинг

Все иллюстрации, которые я показываю — изображения университетов от Австралии до Финляндии. Конечно же, это все новые здания. Для меня важно показать эти образы: да, они разные, бывают очень насыщенные пространства, а бывают лаконичные. Но у всех есть общие моменты:

1. Эти пространства конструируются, проектируются с четко выраженной идеей;
2. Пространства открыты;
3. Пространства мобильны;
4. Пространства с технологичной акустикой, с технологичным освещением;
5. И через 20, и через 30 лет эти пространства смогут быть по-разному использованы. Это пространства, которые будут жить достаточно долго и позволят себя легко трансформировать.

Как сформировать техническое задание?

В проектировании образовательных пространств очень важна партиципация, то есть участие будущих пользователей. Важно участие не только, условно говоря, завхоза — который решает, как вместить столько-то людей на столько-то квадратных метрах. Или ИТ-департамента, которому важно разместить определенное оборудование и связать его между собой. Или управления безопасности, которое препятствует входу нежелательных элементов в университет, а также обеспечивает вопросы пожарной безопасности и много чего еще. Кстати, когда мы преобразуем старое пространство, часто именно безопасники становятся неожиданными союзниками: скучные и унылые коридоры по требованиям пожарной безопасности должны быть перестроены — и там начинают появляться рекреации, новые общественные пространства.

Так вот, партиципация: в университете достаточно много людей можно привлечь к проектированию пространства. Здесь важно не играть в проектирование, а очень четко, с пониманием нужд проектировщиков и правил составления опросов избегать форм, которые создают ложное ощущение сопричастности, создают ложные ожидания. Избегать форм, которые дают социально ожидаемые ответы там, где такие ответы вам ничем не помогут.

Полезно пригласить тех, кто умеет делать такие опросы, чтобы:

1. Все группы потенциальных пользователей были учтены;
2. Вопросы были заданы и проверены несколько раз с разными формулировками, и вы были уверены в них. Поскольку, если это пространство действительно будет проектироваться на основе вопросов, его должно быть удобно использовать.

Конечно же, при проектировании важна насмотренность. Но, слава богу, за последние несколько лет у нас практически каждый пользователь стал насмотренным, потому что мы часто сталкиваемся с качественной средой.

Никто не отменял и по-настоящему функциональных требований.

При проектировании нужно представлять разные сценарии использования пространства, понимать, что решается логистически, что решается вопросами грамотного составления расписания, а что формирует такой запрос, от которого нельзя отойти. И в этом смысле нужно понимать, какого типа пространства обязательно необходимы и насколько они связаны с вашей спецификой.

Например, есть базовое понятие «аудитории» — но тип аудитории в зависимости от образовательного процесса может быть очень разным. Он может быть связан с разным пониманием групп: есть поточные аудитории, а есть аудитории семинарские. Размер группы колеблется даже в зависимости от направления: где-то группа — это 7-8 человек, где-то 25, а где-то 45. Это принципиально разные аудитории, и нужно понимать, чем они отличаются. Также аудитории могут иметь возможность превращения в компьютерные классы, иметь розетки и много чего еще.

Если мы остаемся в старом здании, нужно понимать, где баланс между тем, что мы хотим, и тем, что мы реально можем себе позволить. Где-то невозможно увеличение мощности, где-то, к сожалению, мы наталкиваемся на то, что никогда не сможем оборудовать помещения так, как хотим. Соответственно, надо понимать, какого рода возможны сотрудничества: сетевые партнерства, выход университета в индустрию могут обеспечить гораздо больший эффект, чем просто переработка пространства.

Например, в лицее Высшей школы экономики есть университетский день, когда лицеисты перемещаются в университет на те факультеты, по направлению которых они учатся. Они попадают в другую среду, они попадают в среду своей следующей ступени. В этом смысле обеспечение возможности коммуникации со следующей ступенью, с работодателями не менее важно, чем оборудование лаборатории внутри лицея. Тем более, что последнее может быть невозможно — например, по техническим причинам.

Я знаю, что на факультете права работает юридическая клиника, которая открыта городу и занимается кейсами. В этом смысле, например, наша Лаборатория дизайнера — это такого же рода инкубатор для будущих выпускников, потому что они у нас стажировались, работают, кто-то остается, кто-то выходит на большой рынок.

Конечно, есть и пространства, которые для современного университета стали базой. Это общественные пространства, тихие и громкие коворкинги. Не только библиотека, где все на всех цыкают, потому что разговаривать нельзя; громкие коворкинги тоже нужны. Но и тихие коворкинги нужны: библиотеки никто не отменял, это очень важная часть кампуса. Для студентов, которые далеко живут, это фактически вариант дома.

The Polonsky Academy, Израиль. Библиотека

Кафе, столовые и вообще хорошая еда в университете — не роскошь и не просто попытка уйти от запаха капусты. Это обеспечение ровно того самого образа, что все в твоей жизни — жизни студента — происходит правильно. Ты правильно учишься и работать дальше будешь правильно, а значит, ты на правильном пути.

Среда дополнительного образования. В Высшей школе экономики и так дорогое образование на уровне бакалавриата и магистратуры. Поэтому всегда возникает вопрос: за что студенты готовы платить еще больше в рамках дополнительного образования? Понятно, что платят за знания, но если среда не соответствует, остается, как в анекдоте, осадочек; поэтому стоит задача постепенно модернизировать эту среду, добиваться, чтобы появлялось больше пространств, где можно встречаться, комфортно работать, знакомиться и договариваться. Где инкубация, активация и дальнейшее развитие проектов будет происходить, даже если это специально не режиссируется — просто потому, что так работают пространства.

Erasmus University Rotterdam, Нидерланды. Холл-коворкинг

Посмотрите на изображения: мы везде видим легко передвигаемую, мобильную мебель, и даже если берем классические пространства типа тех же поточных аудиторий — они легко могут трансформироваться. Ну и, конечно, если есть узнаваемый образ, если есть какие-то особенности, за которые можно зацепиться — это выигрышно работает на образ университета.

Aalto University, Финляндия. Аудитория

Все, что связано с инженерными системами, фактически дает прирост образовательных и любых других результатов обучения. Поэтому людям должно быть просто комфортно. И возможность работы с освещением для разных сценариев, работы с акустическими сценариями, со световыми сценариями трудно переоценить: это дает не только возможность слушать, говорить или обсуждать, но и возможность презентовать результаты.

Про лаборатории отдельно говорить не буду — понятно, что есть целый ряд специальностей, в которых без них не обойтись. Нам в этом смысле легче, и юристам, мне кажется, тоже. Но какие-то формы специальных аудиторий и нам нужны. Например, аудитории, в которых можно имитировать выступление в суде, вполне могут быть востребованы. Я точно знаю, что в лицее Высшей школы экономики мы проектировали подобную аудиторию для соответствующего лицейского направления.

Разработка концепции образовательной среды

Разработка образовательной среды может происходить по двум сценариям:

1. Мы строим что-то новое (очень нечасто);
2. Мы работаем со старой средой.

Важно понимать, что далеко не всегда есть деньги на все. Но на легкое изменение облика пространства за счет брендинга и навигации деньги найти гораздо легче, чем на капитальный ремонт всего здания. Это те шаги, которые администрация может предпринять на пути к тому, чтобы искать бюджет на более радикальное преобразование. Когда ты приходишь в университет и тебе понятно, куда идти — значит, уже сформировано правильное пространство и правильный образ.

На всех этапах проектирования важна вовлеченность всех участников в процесс. Если руководство подразделения или факультета считает, что можно дать только общие, вводные, количественные требования, а на выходе через какое-то время зайти в помещение и ахнуть, как все хорошо — так не бывает. Самоустранение из процесса на любых этапах чревато серьезными последствиями. Никто не будет так отстаивать ваши интересы, как вы сами.

На нас, на лабораторию дизайна, а также на внутренние подразделения часто пытаются навесить функцию «сам себе заказчик, сам себе исполнитель» — но отстаивать интересы подразделения должно само подразделение. Да, мы можем сказать, как нужно сделать, можем согласовать с вами, но наша с вами задача — встретить возможное серьезное и обоснованное сопротивление со стороны тех, кто выделяет бюджет, и найти приемлемое решение, которое, позволит сделать все, что мы хотим, сделать, может быть, проще, но точно не хуже.

Кроме того, важно проследить, как это дальше будет реализовано на всех этапах. И критически важно участие самого подразделения в авторском надзоре. Мы видим, что подразделения, которые активны на всех этапах процесса, добиваются гораздо лучших результатов, чем те, которые на каком-то этапе устарились.

Здесь примерно так же, как с костюмом. Он может быть индивидуальный, может быть серийным, а может быть совсем массовым. Если у нас базовый костюм, он может быть маленький и большой; но вероятность, что он придется кому-то точно по фигуре, стремится к нулю. Обратная ситуация — полностью индивидуальный пошив. Но это дорого. А реальность говорит, что где-то посередине тоже есть возможный сценарий, если не сбиваться с пути — иначе получится совершенно абстрактный проект, который потом будет трудно использовать.

В конце — [ссылка](#) на нашу последнюю удачную работу. Это здание недалеко от факультета права, на Малом Трёхсвятительском, в котором сидит департамент коммуникаций Высшей школы экономики. Они прошли все этапы разработки, согласования проекта и реализации этого проекта вместе с нами.

Принципы организации пространств Сколтеха

Екатерина Симакова, Сколтех

Внутренняя инфраструктура учебных пространств Сколтеха (Сколковского института науки и технологий) сформирована в соответствии с базовым принципом симбиоза пространств. Что важно в проектировании современных учебных пространств? Их взаимодействие. Нужна достаточно широкая номенклатура, составляющая комплекс пространств. И если говорить о тех или иных помещениях по отдельности, этот комплекс разваливается — поэтому мы всегда рассматриваем наши пространства вместе, ведь они работают вместе и создают совместные сценарии использования.

Хотя внутри Сколтеха есть команда, которая занимается проектированием, базовые принципы, которые легли в основу и развиваются в наших проектах, были переданы нам зарубежными партнерами. На начальном этапе проектирования бы тесно работали с зарубежными инженерными и архитектурными компаниями. Эти компании помогли нам и с формированием образовательного процесса: мы получали вектор с точки зрения проектирования тех или иных аудиторий, нацеленных на различные взаимодействия студентов и преподавательского состава. Сценарность использования помещений пришла к нам как уже сформированный опыт.

Мы в Сколтехе максимально воплотили в жизнь эти принципы и подходы и за последние годы протестировали в реальном учебном процессе. Сейчас, когда мы работаем с отдельными институтами и кампусами, это уже индивидуальные проекты, так как институты очень серьезно отличаются друг от друга. Исходные данные нового здания и существующего — это совсем разные реальности, и, соответственно, они предполагают разное взаимодействие с конкретными учебными программами. Здесь действительно важно взаимодействие, и чем плотнее оно происходит с конечным пользователем, тем качественнее продукт получается на выходе.

Наша инфраструктура – это:

- комплекс многофункциональных пространств, которые ориентированы на те или иные задачи;
- реконфигурируемые пространства, которые представлены в учебном блоке;

- пространства для самостоятельной работы, такие, как библиотека;
- учебно-лекционные аудитории различных категорий (это определенная номенклатура, которая нацелена на семинарский и более камерный аудиторный формат);
- пространства для практических семинарских занятий, лаборатории активного обучения.

Многофункциональные аудитории

В кампусе представлены конфигурируемые помещения, в том числе многофункциональный зал на 250 человек. Он может работать как аудитории, а можно убрать перегородку и объединить пространство в один зал. Зал находится в центре Сколтеха, на пересечении колец, и, соответственно, работает как многофункциональное помещение, нацеленное на масштабные конференции и различные мероприятия, в том числе внешние. Это очень живое пространство, которое каждый раз предлагает совершенно разный и новый опыт в зависимости от потребностей.

Все пространства подобного типа — многофункциональные, лекционные — оснащены мультимедийной системой, которая позволяет записывать и, соответственно, вести онлайн-трансляции. Поэтому во время COVID-19 у нас не было серьезных сложностей с переходом на дистанционное обучение, потому что практически во все аудитории уже была интегрирована система, позволявшая подключать часть студентов онлайн или вообще полностью перейти в онлайн.

В Сколтехе есть пул помещений, которые специально реализованы для того, чтобы обеспечить высокий уровень звука и видеозаписи. Например, я сижу сейчас в одном из них. Сделана серьезная акустическая оболочка, которая подавляет лишний шум, и, соответственно, комфорта достаточно для онлайн трансляции.

Студии интерактивного обучения

На фотографиях учебных аудиторий мы видим классическое амфитеатральное расположение столов, но здесь есть особенность. Аудитория делится на две части: не всегда требуется вместимость на 240 человек, и помещение удобно делить на две части по 120 человек. Используется акустическая перегородка с выпадающими порошками, которая обеспечивает абсолютно комфортное ведение двух лекций одновременно, лекторы не мешают друг другу.

Здесь еще есть одна особенность – это расположение столов. Когда я училась в университете, у нас были аудитории с классической рассадкой – узкие парты, расположенные ступеньками.

Мы же оборудовали по 2 стола на одной плоскости-«ступеньке». То есть ступени идут таким образом, что на каждой стоит по 2 линии столов. Это позволяет студентам обсуждать материал в ходе лекции: первая линия стола может разворачиваться к сидящим за ними. За счет этого момент коллективной, групповой работы перешел в классические лекционные аудитории. И даже классический амфитеатр стал удобен для обсуждений.

Как и во всех других аудиториях, здесь также представлена система мультимедиа. Это проектор и дублирующие экраны, позволяющие людям, сидящим далеко, и боковым рядам видеть материал.

Я могла бы посвятить отдельную презентацию деталям. Ведь учебное пространство спроектировано не только с точки зрения масштаба, нацелено на те или иные задачи и так далее; оно важно и с точки зрения деталей. Удобство, обеспечение современного учебного процесса взаимосвязано с деталями, чтобы студентам было просто приятно находиться в пространстве.

Люди не всегда могут охарактеризовать, что именно им нравится в пространстве. Есть ряд аспектов, которые работают в комплексе, создают приятное впечатление. Так, у нас был отдельный проект на тему парт — мы интегрировали металлическую конструкцию внутрь корпуса каждой парты, такую Г-образную консоль, чтобы обеспечить удобство сидящих и избавиться от перегородок между студентами. Поверхность парт сделана из мармолеума. Это немного нетипичное решение для парт, но дает приятное тактильное ощущение, когда кладешь руки на стол.

Когда мы делали чертежи этой мебели, то столкнулись со сложностями — производители навязывали решения с дополнительными перегородками и так далее. Поэтому проработка, детализация проекта — это

целый процесс. Но он того стоит: эти парты с интегрированными пенами, с электрификацией работают в комплексе с остальным оборудованием аудитории.

Реконфигурируемые пространства

У нас в институте проводится innovation workshop — каждый учебный год начинается с такого воркшопа. Это общее мероприятие, когда все новые студенты, независимо, на какую программу, направление они поступили, соединяются вместе на первые 2—3 недели. Студенты знакомятся с инструментарием института, с оборудованием, позволяющим создавать прототипы.

Их знакомят с педагогическим составом, они уточняют тему, выбирает педагога, который их будет курировать, и за этот короткий промежуток создают живой проект с прототипом. Потом они презентуют этот проект. Воркшоп подразумевает работу в группах, с постоянными срезами, когда нужно объединить всех студентов и дать им возможность выступить на большую аудиторию. Здесь очень важна учебная инфраструктура, которая позволяет каждой группе комфортно работать в своем пространстве.

У нас предусмотрен специальный кластер таких учебных блоков, которые расположены анфиладно и могут соединяться в один огромный зал. Это возможно за счет реконфигурируемых перегородок — достаточно простой прием. Обязательно нужно сценарное освещение и гибкая инфраструктура, которая позволяет перекидывать подключение, менять расположение мебели, менять типологию, даже саму мебель. Это делает пространство максимально живым, ориентирует на конкретные задачи.

Не только этот блок для воркшопа, но другие учебные помещения у нас могут реконфигурироваться.

Пространства для самостоятельной работы

Вокруг одной из круглых лестниц у нас организована открытая транзитная зона. Студенты идут мимо, в сторону главной лестницы, и проходят это пространство. Это пространство предполагалось как библиотека.

За рубежом сейчас идет дискуссия, нужно ли в библиотеке книгохранилище или правильно интегрировать библиотеку в некий онлайн-формат, когда можно из любой точки зайти туда онлайн. И если переводить все в электронный формат, то отдельная библиотека может стать открытым пространством, куда можно просто мимоходом заглянуть, посидеть и пообщаться, а также поработать.

В нашем случае книгохранилище необходимо. Физическую литературу никто не отменял, плюс у нас есть ценные экземпляры, не переведенные в электронный формат. У студентов должна оставаться возможность пользоваться такой литературой. Потому у нас есть как открытые пространства, так и закрытая библиотека в 1200 квадратных метров. В ней нет специального библиотекаря, который смотрит за всеми и говорит «тихо». Это «тихо» представлено исключительно через навигацию, даже, правильнее сказать, графические проекты, которые воплощены внутри библиотеки: ряд посланий на потолке, надписи, которые ты находишь, когда берешь книгу. Навигационные элементы, правила поведения в библиотеке — все они реализованы через эту графику.

В библиотеке настроена RFID система. Студент самостоятельно регистрируется в системе, и если он выходит с книгами, которые не оформил, раздается громкий звук.

Библиотека зонирована по типам работы. Первые библиотеки — еще в древней Греции — выглядели как групповые, бесконечные столы, за которыми люди работали с литературой. Таким образом поддерживалась взаимосвязь, даже в тот период уже была коллаборация через пространство. У нас значительная часть библиотеки отдана групповой работе, и, как показывает практика, студенты активно используют ее для групповых задач, которые они получают на учебных программах. Приходят в библиотеку поработать вместе.

У нас также есть акустические модули для 2—4 человек на колесной базе. Их можно двигать, что создает момент сценарности: студенты могут сами организовывать пространство. В конце дня все это должно возвращаться на свои места, но в течение дня все это активно живет, перемещается; студенты сами формируют для себя удобное пространство.

Все рабочие зоны выделены названиями. Например, на витражах мы разместили QR коды с самыми важными публикациями из научного мира, связанные со Сколтехом.

Кохорт

Общественные пространства бывают тихими и шумными. Тихое пространство для самостоятельной работы у нас в кампусе — библиотека. А есть контрастирующее шумное пространство, которое называется «коhort» (cohort).

Библиотека и коhort у нас одинаковые, симметричные, равной площади; но первое ориентированно на самостоятельную работу в камерной обстановке, а второе — шумное, студенческое пространство, нацеленное на внутренние мероприятия, отдых, игры.

Кохорт у нас пока на этапе воплощения. Но важно отметить, что оба пространства нацелены на разное, имеют разный функционал и в тех моменты, где это возможно, дополняют друг друга, работают как единое целое. Сейчас коhort выглядит так:

Студенты каждый день перестраивают кохорт, как хотят. Там есть высокие группы, акустические диваны с закрытым периметром — домики как в библиотеке. Все они на колесной базе, и студенты могут в течение дня перемещать функциональные зоны в зависимости от настроения.

По текущему проекту кампуса мы плотно взаимодействовали со студентами. Иногда даже хорошо, когда процесс реализации проекта затянут, размыт во времени. Мы все строим, строим, но этот момент можем что-то протестировать. Студенты уже пожилы, подвигали, и поняли, чего им не хватает, посмотрели свежим взглядом на наш первоначальный проект. Они дали нам комментарии, мы их обсудили и поняли — к примеру, что

монументальная лестница хороша, как амфитеатр, но слишком связывает руки, занимая половину пространства кохорта.

Мы переделали лестницу в мобильные трибуны, в отдельные сегменты, которые собираются в амфитеатр, но тем не менее их можно переставлять внутри пространства, динамично использовать эти сегменты. У нас есть пространства, которые уже сложились и которые должны оставаться такими — аудитории, даже библиотека, пусть она и разнообразная, с разными зонами. Но есть и такие вот живые студенческие пространства, которые могут по-разному использоваться, жить своей жизнью.

Учебно-лекционные аудитории

Учебно-лекционные аудитории у нас ориентированы на разнообразные учебные процессы в зависимости от количества студентов. Есть лекционные пространства, есть и более камерные — до 25 человек.

Здесь важно отметить сценарность использования таких пространств. Все они плюс-минус одинаковы по масштабу, но дают профессору возможность выбрать удобную для него расстановку мебели. В каждой аудитории есть мануал, который показывает, как можно разместить столы. Перед началом занятия профессор может попросить службу эксплуатации поставить мебель в соответствии с определенным сценарием. Конечно, можно попросить и студентов — потому, что во все столы интегрирована колесная база, они не прикручены и могут быстро менять свое положение. Розетки скрыты за лючками в полу. Есть определенная логика их расстановки, но она сделана с запасом, чтобы при разном расположении столов внутри аудитории все равно можно было дотянуться.

Такие учебно-лекционные аудитории, как правило, открыты за счет стеклянных стен. Один из основных принципов организации института — прозрачность процессов, взаимодействия, пространства. Мы можем наблюдать за учебным процессом, а студенты могут наблюдать за процессами внутри лаборатории или административного блока. Когда несколько функций взаимосвязаны, то визуальная взаимосвязь сильно помогает дополнять эти процессы.

Все аудитории также оснащены пишущими поверхностями, флипчартами и различными средствами для фиксации мыслей, идей. Иногда это тачскрины, иногда просто система мультимедиа. Как правило, это комплекс, который так или иначе воплощен в каждой аудитории.

У нас есть отдельный альбом по всей номенклатуре учебных пространств и их оснащению. Это сделано для профессорско-преподавательского состава, чтобы они понимали, каким инструментарием располагают, и, соответственно, какие композиционные, планировочные решения могут использовать.

Помещения для практических и семинарских занятий

На третьих этажах у нас есть более масштабные пространства — по 80–100 человек в каждой аудитории (в зависимости от того, какая мебель используется и как она расставлена). Изначально эти пространства нацелены на групповую работу, поэтому по периметру стоят тачскрины,

к которым при желании можно подвинуть столы. Тогда центральная часть аудитории задействуется под коллаборацию и общие презентации, а периметральные зоны работают для групповой работы. Или все пространство может использоваться для семинара. Стулья при необходимости можно штабелировать.

Лаборатория активного обучения

Лабораторией активного обучения мы называем пространство для групповых занятий. В отличие от семинарских аудиторий это помещение сконцентрировано, нацелено на групповые занятия с точки зрения организации пространства.

Каждая группа работает в некоем мини пространстве: они видят друг друга, но есть ощущение некоторого барьера с другой командой. Каждый блок, ячейка оснащен своим экраном, своей пишущей поверхностью, своим инструментарием. Здесь же стоят столы с интегрированными подключениями, всевозможными разъемами.

Некоторые столы сделаны высокими — так называемые медиаскейпы, высокие столы. Существуют исследования, что смена работы между высокими и стандартными столами повышает мозговую активность, запускает мыслительные процессы.

Мы не могли позволить себе на весь институт или даже на некоторые классы массово закупать столы регулируемой высоты и просто заранее оснастили часть пространств высокими столами, а часть — стандартными. За счет этого студенты так или иначе в течение дня меняют положение. Так оснащены не только аудитории, но и общественные пространства. В библиотеке тоже есть зона с высокими столами наряду со стандартными. То есть этот принцип мы применили по всему кампусу в учебных пространствах. Студенты любят высокие столы, особенно когда неформально общаются.

Лаборатории в Сколтехе мы проектируем модулями под определенные программы. Эти модули набираются в том числе из лабораторной мебели и других лабораторных компонентов: например, в биологических лабораториях модули содержат санпропускники, внутри устроен определенный класс чистоты и так далее. У нас разные лаборатории — бывают и простые, например, IT лаборатории офисного типа.

Но во все лабораторные блоки так или иначе включен учебный компонент, так как обучение и исследования — взаимосвязанные явления, которые не существуют друг без друга. Во всех лабораторных блоках представлены образовательные пространства, просто представлены по-разному. Иногда это целая учебная лаборатория, иногда это просто какая-то открытая зона в лаборатории, какой-то мини-hot desking, или, наоборот, закрытый компонент вроде переговорной.

Правильно спроектированная инфраструктура, в том числе инженерная, создает общее пространство. Все это работает в диалоге. Инженерная составляющая в нашем здании самая дорогая — очень важно качество

воздуха, света, в случае лабораторий — это подведение газов, локальные вытяжки; в офисных пространствах у нас есть возможность за ночь переносить розетки в полу и переделывать функциональные зоны. Все это очень дорого, но важно. Поэтому, когда мы имеем возможность строить новые объекты, новые здания, мы закладываем в самом начале эту гибкую инженерную инфраструктуру, а потом работаем с ней и наращиваем при возможности.

Очень важно иметь возможность менять пространства в учебных лабораториях. Вообще, жизненный цикл лаборатории очень ограничен, 3—5 лет — и, возможно, придется менять оборудование, поменяются учебные программы. Поэтому приходится не только строить новые пространства, но и перестраивать те, которые когда-то, казалось бы, не так давно построили. Перестраивать — то есть переоборудовать; порой это означает капитальное вложение, но даже когда мы немного переставляем мебель, инфраструктура все равно перестраивается. Поэтому, повторюсь, очень важна гибкость инфраструктуры.

Есть и дополнительный инструментарий, который позволяет кастомизировать пространства. Например, если нет возможности делать гибкое подключение в полу, мы пытаемся обеспечить это сверху. Под открытым потолком идет некая решетка; туда заложена основная инфраструктура, и колоннами это все опускается в рабочие зоны. Это можно решить с помощью мебели, которая имеет встроенные перегородки, розеточные блоки, даже блоки с водой или газами; все это можно переподключить, пересоединить, если заранее был предусмотрен задел.

Вместе все это складывается в современные общественно-образовательные пространства. Мне кажется, даже не важно, какой конкретно факультет, какое направление мы рассматриваем; мировой опыт говорит, что гибкие образовательные пространства — это хорошо. Возможности по трансформации дают номенклатуру возможностей, реконфигурации. Внутри замкнутых, стандартных классов тяжело воплотить в жизнь современные принципы взаимодействия студентов. Поэтому всегда есть потребность в открытых, разномасштабных общественных пространствах и аудиториях, взаимодействующих между собой и поддерживающих диалог между студентами и педагогами.

Роль пространства в обучении юристов

Роман Янковский,
ЦТЮОО ВШЭ

Я расскажу, как выглядят пространства для обучения юристов в России. В первую очередь я буду рассказывать про Москву, потому что живу здесь и знаю наши вузы лучше всего.

Большинство московских вузов – это либо советские здания, либо даже досоветские. Новых зданий немного: вспоминается юридический факультет МГУ, новые корпуса МГЮА. У остальных нет возможности построить себе здание с нуля.

Новое здание юридического факультета МГУ

Но я вижу, что без системного подхода, без работы с будущими пользователями (студентами и преподавателями), без специалистов-архитекторов даже новые здания страдают теми же самыми проблемами, которыми страдали старые, советские. Бытует неправильное представление, что чтобы хорошая среда обучения юристов — это свежая, обновленная среда. Нужно поставить новую мебель и так далее. Конечно же, это не работает. Зайдите в Шанинку, а потом зайдите на юрфак МГУ и увидите большую разницу — хотя эти здания строились в одно время.

Потому что вопрос не в том, новое это пространство или старое; вопрос в том, как его правильно организовать.

Коворкинг в МГУ

Коворкинг в Шанинке

В чем эта разница заключается? Во-первых, аудитории. Стандартная аудитория на юридическом факультете в нашей стране выглядит как-то так:

Это факультет права Вышки. Парты без колесиков, а кое-где вообще прикручены к полу. Страдает инфраструктура — нет приточно-вытяжной системы, а значит, летом будет жарко, зимой холодно, и всегда будет душно. От этого у студентов быстро теряется концентрация. Ах, да, где-то там, впереди висит проектор, который большинство студентов банально не видит.

Все это, конечно, не трансформируется — то есть я не могу сказать студентам: «Ребята, а давайте разделимся на четыре группы, а потом слушаем друг друга». Я не могу это сделать, потому что парты прикручены к полу, и студенты не смогут даже повернуться друг к другу, чтобы обсудить мой вопрос. Тем более у меня не получится как-то иначе расположить парты в аудитории, например, если я захочу провести игровой судебный процесс. Поэтому большинство вузов делают отдельную аудиторию для судебных заседаний. Но проблема не в наличии (или отсутствии) специальной аудитории, проблема в том, что везде парты прикручены к полу, что нет трансформируемых аудиторий.

ЧелГУ, Учебный зал судебных заседаний (центр-класс деловых игр)

Конечно, чувствуется, когда здание не продумано, не проработано еще на этапе постройки. Я говорю сейчас не только про инженерные системы, про вентиляцию, но и про другие аспекты. Взгляните на эту фотографию с юридического факультета МГУ.

Это лекционная, поточная аудитория. Кажется, что она сделана нормально, современно. Но я не раз читал лекции в этой аудитории. Обратите внимание: если один студент захочет выйти, весь ряд должен встать. Кому-то захотелось в туалет, нужно идти на другое занятие или еще что-нибудь — он не сможет пройти, пока остальные студенты сидят. Значит, весь ряд встает. Это происходит очень громко, потому что, когда люди встают, деревянные сиденья парт складываются и громко ударяются о спинки. Стоит грохот, лекцию невозможно продолжать, все ждут, пока этот студент выйдет. Обратите внимание: чтобы добраться до выхода, этому несчастному придется пройти вдоль ряда, спуститься вдоль парт, пройти мимо кафедры преподавателя. В результате студенты боятся, терпят, ждут, пока не закончится пара, мучаются. Разве это хорошо?

Такие ситуации нужно продумывать, просчитывать заранее. Понимаю, бывают моменты, когда, грубо говоря, факультет получает новое здание, и надо за два месяца составить ТЗ на мебель, причем нужно уложиться в бюджет. Но это не тот случай.

Лекции и семинары

Пока я показывал вам два типа помещений. Потому, что все юридические вузы России, в которых я был — кроме, пожалуй, Шанинки — имеют только два формата аудиторий: лекционная и семинарская. Разовые исключения вроде компьютерных классов не берем. Лекционная аудитория отличается от семинарской тем, что она больше, и иногда сделана ступеньками,

амфитеатром. Больше, в общем, различий нет. Если повезет, висит проектор, в лекционных — микрофон. Почти нигде нет розеток в доступе.

Главная проблема — эти два формата обучения. Они идут из XIX, если не из XVIII века: юрист получал образование, приходил в университет, получал степень, становился профессором — и буквально зачитывал с кафедр то, чему научился за границей, что вычитал у иностранных теоретиков, что сам обобщил, написал. Не было ни нормальных учебников на русском языке, ни монографий по массе вопросов. Лекции нужны были, по сути, чтобы все эти тексты пересказывать. Затем нужно обсудить лекцию со студентами, чтобы закрепить: все по таксономии Блума, если помните. Знание — понимание — анализ — суждение. Отсюда появилась эта система из лекций и семинаров, и она существует до сих пор, практически в неизменном виде.

Но юридическое образование меняется. Банальный пример: у нас появляется выборность дисциплин — значит, мы не можем всех студентов централизованно загнать сначала в поточную аудиторию, потом на семинар, потом снова в поточку, потом домой, в общежитие. Появляются гибридные форматы, у кого-то окно между занятиями. Что делать студенту, если корпус полностью состоит из лекционных и семинарских аудиторий? Он может только сходить в столовую, в библиотеку или выйти на улицу. Впрочем, если на улице -25, то кроме столовой и библиотеки вариантов не остается.

Появляются проектные форматы, и группе надо где-то собираться, чтобы обсуждать проект — а у нас незанятые аудитории закрывают на ключ. Появляются интерактивные занятия, когда преподаватель со студентами работает в малых группах — но в аудиториях даже парты под это не развернуть. Есть подвиги — к примеру, те же самые коворкинги; но изменения идут медленно, их недостаточно.

Так, многие вузы, по сути, сделали вместо коворкингов читальные залы. Одинаковая мебель безо всякого разнообразия, нет разделения на тихую и громкую зоны. Аудитория не трансформируется, ее можно использовать только одним образом — сесть, почитать книгу, ну, максимум, что-то сказать соседу. Это, конечно, не работает как коворкинг.

Коворкинг юридического факультета МГУ

Транзитные зоны

Обратите внимание на транзитные пространства в своем университете. Я покажу СПбГУ, но примерно все российские вузы выглядят так. Транзитное пространство — это длинный коридор, куда выходят двери поточных и семинарских аудиторий. В лучшем случае там будут скамеечки. Ну, а если на скамеечке мягкое покрытие, а не голое железо или дерево — это уже непривычная для наших вузов эмпатия.

Транзитное пространство в СПбГУ

Естественно, возле скамеечек не будет ни розетки, ни пуфика, ничего подобного. Там не будет другой скамейки напротив, чтобы можно было пообщаться. Возможно, будет мусорное ведро, если завхоз поставит.

Эти транзитные пространства соответствуют представлениям «индустриального» обучения: они выполняют функцию транзита людей. Вы из своей аудитории вышли, идете в другую аудиторию. Потом из другой аудитории домой. Не предполагается, что вы будете с кем-то общаться, обсуждать что-то, работать на ноутбуке или просто отдыхать. Поэтому такие пространства такие безжизненные, такие недружелюбные. Если кто-то и сидит на этих скамеечках, то только если вынужден — например, если ждет однокурсника или ловит преподавателя после пары.

А вот пример из Сколтеха. Видите: в коридоре оборудована зона ждя ожидания и отдыха. Тут и мебель разного рода, и можно поговорить, и друг к другу повернуться.

Зоны для проектной работы

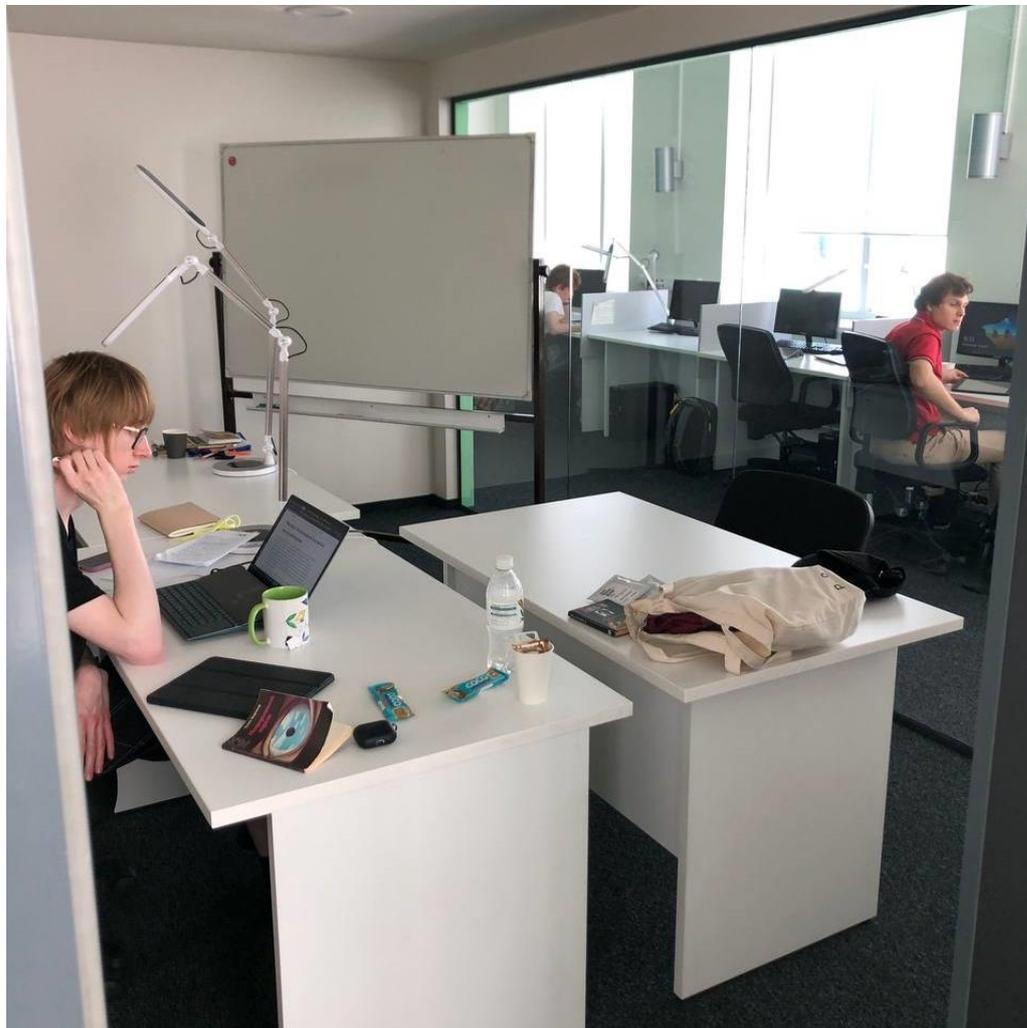
Проектная работа – это вообще наша беда. Мало того, что не все ее практикуют; в большинстве вузов и понятия такого нет, как аудитория для проектной работы.

Зал для конференций в РАНХиГС

Есть иногда переговорные, например, у декана, замдеканов. Но они чаще всего индивидуального пользования, оборудованы в кабинетах или

в приемных. В некоторых вузах можно бронировать аудитории, если ты студент — студенты могут позаниматься там (или зайти в открытую аудиторию, если их не закрывают). Но в аудиториях, особенно в поточных, заниматься неудобно, они не для этого предназначены. А если у вас какое-то групповое задание, то где его делать?

Проектная аудитория в библиотеке РЭШ

В вузах нужны переговорные, которые можно бронировать, а также открытые пространства для проектной работы — углы, комнаты, в которых можно общаться, работать.

Пространство для проектной работы в транзитной зоне ТюмГУ

Многофункциональные пространства

В образовании много «черных лебедей», и мы должны иметь в виду, что аудитории будут меняться. Мы должны предусматривать аудитории, которые смогут трансформироваться или использоваться по-разному.

Кое-где эти многофункциональные пространства оборудуются бездумно. Например, ситуационный центр на юрфаке МГУ кажется просто показательным помещением, которое хорошо смотрится на фотографиях. На практике вообще непонятно, как его использовать.

Ситуационный центр правовых инициатив МГУ

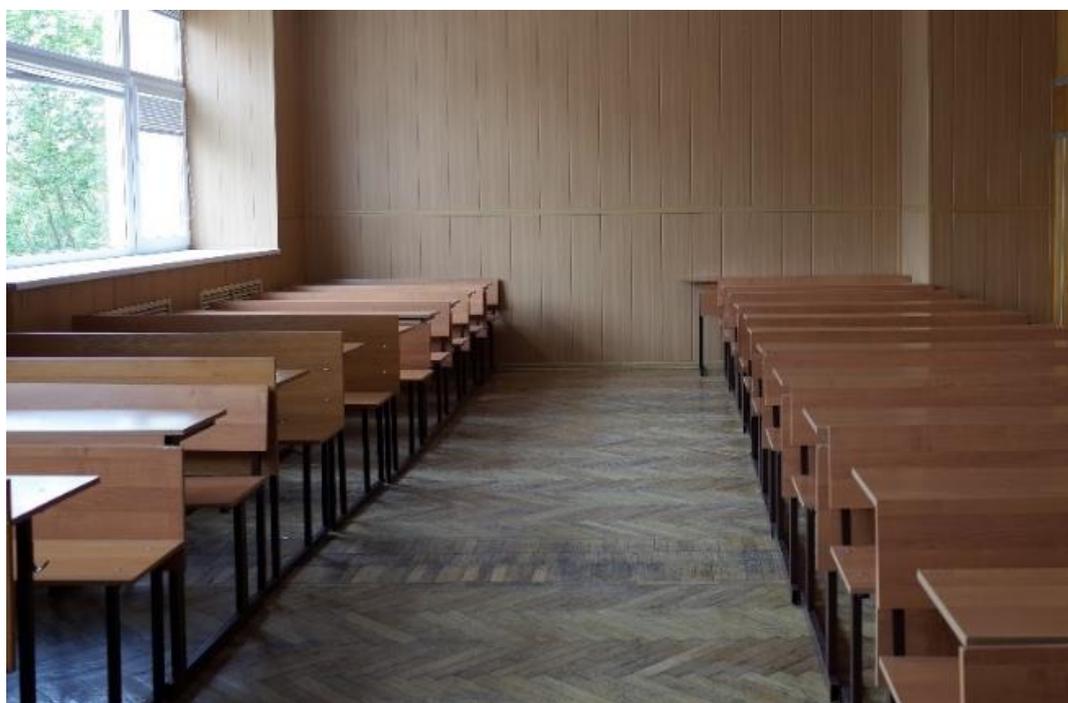
В качестве контрпримера — неплохая центральная библиотека в Вышке на Покровском бульваре. Там есть и громкие зоны, и тихие зоны, зоны для совместной работы разного рода. Вот фото, на котором в библиотеке сдвинули мебель и проводят лекцию — это и есть многофункциональность.

Есть много возможностей разделить помещение звукоизолированными перегородками из стекла или ткани. Есть недорогие материалы и технологии. И тогда нам не придется перестраивать пространство, когда необходимость в нем исчезнет, достаточно будет переставить перегородки.

К примеру, юридический рынок окажется в стагнации, нам потребуется меньше юристов: мы поделим большие пространства на аудитории поменьше. Или, например, появится смешанный, гибридный формат: часть студентов слушает лекцию онлайн, а офлайн приходит меньше. Аудитория рассчитана на 180 человек, а ходит на лекцию 120. Это не значит, что нужно их заставлять ходить, двойки за посещаемость ставить. Просто мир изменился и нам нужно под него подстроить наше пространство. А если пространство изначально не трансформируемо, то это станет настоящей проблемой, и аудитория всегда будет полупустой.

Вот, посмотрите на пример монофункциональной аудитории. Это факультет права Вышки, но мебель осталась еще от предыдущих владельцев, Московского института электронного машиностроения. Посмотрите: каждая парта — это единая конструкция, столы и стулья на железной раме. Ничего не передвинуть.

И вот для сравнения — Сколтех. Вся мебель на колесиках, ее можно катать по аудитории, поставить в другом порядке. Парты подключены к электричеству, гибкими проводами к розеткам в полу. Эти парты можно будет хоть каждую лекцию, каждый семинар менять местами.

Существуют разные решения: например, временные перегородки, мебель, которую можно соединять и раздвигать, столы, которые принимают разные формы, и так далее. Все это — абсолютная норма для современных образовательных пространств.

Пару слов расскажу об организации рабочих пространств. Пожалуй, во всех вузах преподаватели стремятся иметь отдельные кабинеты. У нас на факультете больше 100 таких кабинетов для сотрудников. Большинство из них не используются или используются несколько часов в неделю: у преподавателя то занятия, то дела в ректорате, то он просто решил поработать из дома. Вышка находится в центре Москвы, преподавателям есть куда пойти поработать, посидеть. Поэтому кабинет большую часть времени пустует.

Мы можем, к примеру, построить новое здание для факультета и снова сделать там 100 кабинетов. А можем сделать коворкинг для сотрудников, поставить там трансформируемую мебель, попробовать разные варианты зонирования. Такой вариант будет гораздо более универсальным, гораздо более экономным и гораздо более адаптивным. Не случайно и в юридических фирмах, и в консалтинге давно экспериментируют с коворкингами.

Открытые пространства

Наконец, одно из главных впечатлений в России — в наших вузах не хватает открытых пространств. Если вы выйдете сейчас в коридор, там скорее всего будет много дверей и мало окон, как в городской поликлинике или в каком-нибудь старом офисе. У меня, по крайней мере, так.

За счет того, что большинство дверей закрыто, создается впечатление, что корпус пустой. На факультете права Вышки, например, или в корпусе «А» юридического факультета МГУ пустые коридоры, глухие двери, и создается впечатление, что ты работаешь один. Нет точек пересечения между людьми, которые там работают — кроме, пожалуй, столовой. А если у тебя открытое пространство — как в Сколтехе, например — то создается ощущение наполненности пространства, даже если там всего пара человек.

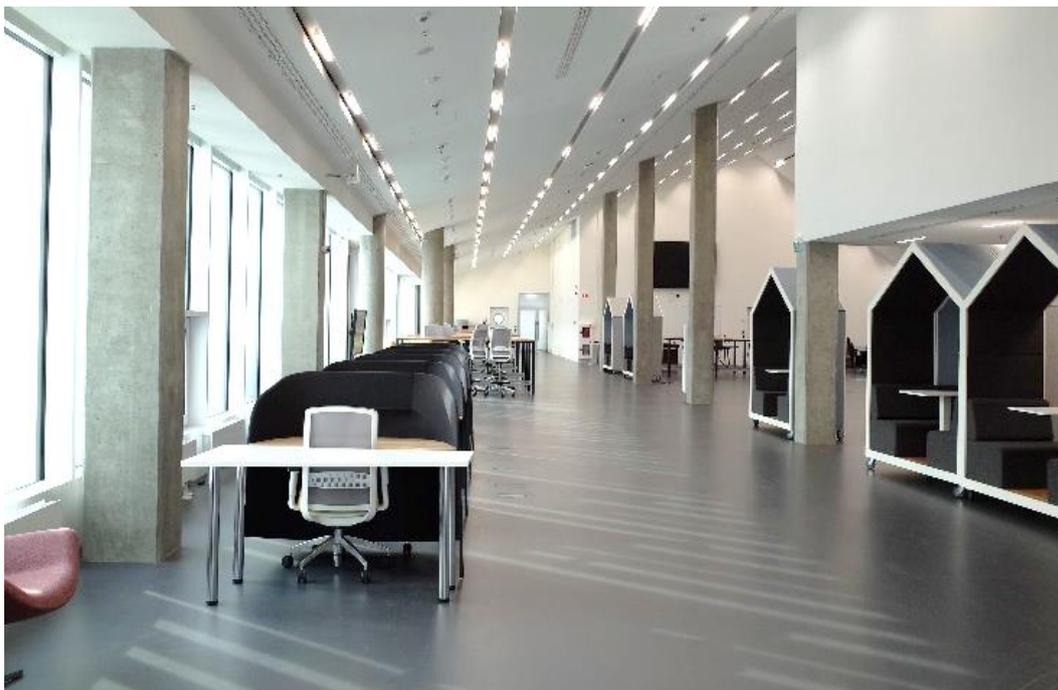

Коридор в МГЮО им. Кутафина

Я приложил руку вот к этому помещению — это научно-образовательный центр «Право и бизнес» на юридическом факультете МГУ. Не нашел фотографии лучше, но заметно, что это большое, светлое пространство с зонированием: есть зона для учебы, есть для отдыха, для общения. И, поскольку пространство большое, ты видишь, когда рядом есть люди; они работают, учатся, и это создает ощущение, что ты не один.

Представьте себе, если этот огромный коворкинг Сколтеха разделить на 50 кабинетов: даже когда там будет сидеть 20 человек, вы с ними, сидя в кабинете, не пересечетесь. И когда будете идти по коридору, а все будут сидеть у себя по комнаткам, у вас будет ощущение, что пространство пустое.

А теперь представьте себе, что в этом большом открытом коворкинге сидят 10 человек за разными столами. Кто-то общается, кто-то работает. Вы их видите, и у вас складывается ощущение, что пространство живет. И это, конечно, совсем другие эмоции и совсем другое настроение. Одно дело, когда ты один сидишь в офисе допоздна; другое, когда тебя окружают люди, которые занимается тем же самым, делают общее дело.

Выводы

Проблемы пространств для обучения юристов — практически те же самые, что в остальных специальностях: у филологов, физиков, экономистов. Наши образовательные пространства приспособлены под устаревшую модель обучения. При этом вузы хронически недофинансированы, да и сильно оторваны от рынка — в результате образовательные пространства устарели гораздо сильнее, чем офисы.

Если вы работаете юристом, то стопроцентно заметили разницу между пространством вуза и даже самым скромным офисом, маленькой юридической фирмой. Там, где речь идет о бизнесе, где люди считают деньги, там пространство будет устроено гораздо разумнее и разнообразнее. Потому что в бизнес уже давно все эти вопросы прошли. Компании еще с девяностых строят и оборудуют пространства в новой парадигме.

А вузы все еще живут вот в такой парадигме, что их здание — это, перефразируя Ле Корбюзье, «машина для обучения студентов». Студент проснулся в своей ячейке в общежитии, почистил зубы, оделся, позавтракал в столовой, отправился на лекцию. Послушал лекцию, семинар, лекцию, семинар; студент ходит из аудитории в аудиторию, в перерыве обедает в столовой. Вечером занятия закончились, он посидел пару часов в читальном зале библиотеки, потом пошел к себе в ячейку умываться и спать. По этому принципу построено Главное здание МГУ, многие другие советские университеты.

Открою секрет: эта система не работает. Она давно устарела. Она нежизнеспособна. И когда мы строим и перестраиваем пространства по этим старым стандартам, мы задерживаем перемены. Мы не можем внедрять активное обучение, не можем внедрять проектную работу, если наше здание под это не приспособлено. А когда мы пытаемся внедрять, у нас получается плохо.

Можно, конечно, послать к черту эту проектную работу. Вернуться к советской системе с лекциями и семинарами, со специалитетом, с распределением выпускников, с бесплатной капустой в столовых. Тогда, наверное, новые пространства и не понадобятся. Но мы ведь не хотим так делать? Не хотим, верно?

Поэтому, если мыслить по инерции, делать реплики старых пространств с новой мебелью — эта устаревшая форма организации пространств будет по-прежнему определять наше мышление, наше преподавание. Функция современных зданий будет повторять функцию вузов 1990-х, 1980-х, а где-то и 1900-х годов. Если мы этого не хотим, если мы стремимся создавать новое, экспериментировать — тогда нам нужно, чтобы пространство поддерживало эти эксперименты, позволяло варьировать функционал кампуса в интересах учащихся. Только так можно сделать наше юридическое образование адекватным и современным.

Ответы на вопросы

Роман Янковский

Екатерина, а вы для всех помещений Сколтеха делали мебель под заказ? Это же огромная прорва работы. Когда я сталкивался с ремонтом, что в Вышке, что в МГУ, спроектировать даже секционную мебель выходило в несколько раз дороже, чем купить готовую. А если делать изначально мебель с технологами, с производственниками, я даже не представляю, какие это деньги. У вас была такая возможность — сделать мебель под себя?

Екатерина Симакова

Конечно, мы очень сильно считаем деньги. К сожалению, у нас действуют существенные ограничения по бюджету и колоссальные проверки; мы подотчетны за каждый рубль, нам очень важно обосновывать свои решения. Мы не вольны закупать все, что мы хотим. Мы, конечно, хотели бы купить все самое прекрасное, поставить в кампусе, но у нас таких возможностей нет.

Университет проводит тендеры на все и мы сравниваем предложения на площадках; также у нас были предквалификационные отборы. Выбор поставщиков происходил долго. На первых порах у нас были технические задания с безумным количеством листов, где было детально описано, что нам требуется. Поставщики представляли свои концепции кампуса, а мы их отсеивали.

При этом у нас достаточно знаковая архитектура и есть определенные обязательства, которые накладывает такая архитектура. Когда есть некий общий концепт, очень важно его воплотить максимально точно. Но неправильная мебель этот визуальный облик может разрушить. Для нас было важно продолжить архитектурный облик и развить его в нужном ключе.

Нам также важно, чтобы эта архитектура существовала на протяжении многих лет, и завтра нам не пришлось все менять, потому что студенты переломали или исцарапали мебель, потому что она уже не выглядит должным образом.

Приведу пример. Мы сравнивали условия закупки парт, которые должны были соответствовать общему облику, а также функциональности — к примеру, у нас уже были ступени в аудиториях, и мы не могли поставить на ступени парты с колесами. Купить подходящие парты было практически невозможно, то есть нам их все равно пришлось бы делать под себя. И мы оптимизировали проект до такого

уровня, когда это стало конкурентоспособным, и на базе проведенных тендерных процедур пришли к реализации проекта.

Каждое пространство мы оснащали индивидуально. Единственное, был ряд оборудования, которое уже было на рынке — оно просто подходило под наше техническое задание, и мы смогли его приобрести. Но, как правило, его под нас изготавливали.

Дмитрий Текутьев

Я бы хотел поделиться своим опытом. Я видел организацию пространств в Голландии — в частности, организации библиотеки. Основные отличия с Россией, на мой взгляд, в том, что: во-первых, там нет охранников — то есть заходить может кто угодно. И, во-вторых, время работы — до полуночи каждый день, включая выходные. Проще говоря, издержки на то, чтобы зайти в библиотеку и поработать, почитать, равны нулю.

Каждый человек может зайти и делать, что он хочет. Таким образом эта университетская библиотека становится публичным благом. Работает на все сообщество, на весь город и так далее.

В связи с этим вопрос: как вы считаете, в наших реалиях реально устроить что-то подобное или все-таки это пока невозможно?

Екатерина Симакова

Я вспоминаю магистратуру в европейском университете — там ничего не проверяли и даже охранника на входе не было. Я, кстати, не обращала на это внимание; а ведь действительно, у нас был вообще безбарьерный доступ, можно было просто зайти и все.

С точки зрения кампусов в России — тоже есть нацеленность на открытость городу. Это сейчас некий тренд, что кампус становится не замкнутым городом в городе, а работает на внешнюю инфраструктуру, на свой микрорайон.

Однако я думаю, что все равно в России будут фиксировать всех, кто заходит. У нас так сложилось в стране, что за безопасностью в общественных учреждениях очень следят. Даже в институте, где я училась, была охрана и всегда смотрели студенческий пропуск.

Если говорить про наш институт, про Сколтех — у нас для студентов инфраструктура открытая, соответственно, они могут в любое время прийти и даже переночевать в этой библиотеке. Полной открытости нет, вернее, есть, но через запрос. Нужно прислать письмо, мол, я хочу прийти посмотреть институт или поработать в библиотеке — тогда будет выписан разовый пропуск.

Екатерина, а вы не работали над остальными зданиями Сколково? Я видел в РЭШ похожие приемы. Это потому, что одна и та же команда работала, или потому, что тоже используют современные подходы и результат получается схожим?

Екатерина Симакова

Да, РЭШ – это тоже наше здание. Раньше, мы, собственно, базировались в этих зданиях на улице Нобеля. Сейчас мы постепенно оттуда перевозим свои научные центры. Сначала запустили административную часть в новом здании, потом студенческую и далее мы воплощаем научные центры.

Здания на Нобеля мы первоначально арендовали для себя, построили свой мини-кампус. Потом переехали сюда, а РЭШ купила эти здания. Они освежили ремонт, но принципы проектирования остались те же, которые нами были изначально заложены. Поэтому много пересечений, которые вы заметили.